

УДК 930.85

«СОВЕТСКИЙ АНТИНОРМАНИЗМ» И ЕГО НОРМАНИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ

ФОМИН Вячеслав Васильевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории,
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

АННОТАЦИЯ. Показывается, что, во-первых, «советский антинорманизм» не имел, вопреки утверждениям современных сторонников норманской теории, вводящим в принципиальное заблуждение науку, никакого отношения к антинорманизму истинному и на деле представлял собой норманизм, освященный марксизмом, во-вторых, в усилении норманистских настроений советских ученых сыграли роль труды датского лингвиста А. Стендер-Петерсена и отечественных археологов-«антинорманистов», опиравшихся на его выводы о норманской колонизации Руси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: норманизм, «ультранорманизм», антинорманизм, «советский антинорманизм», марксизм, археология, К. Маркс, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, И.П. Шаскольский, А. Стендер-Петерсен, Л.С. Клейн.

“SOVIET ANTINORMANISM” AND ITS NORMANISTIC ESSENCE

Fomin V.V., Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of Russian and General History,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

ABSTRACT. The article shows that, firstly, contrary to the statements of the modern supporters of the Norman Theory which led the science to a fundamental error, «the Soviet antinormanism» had nothing to do with the true antinormanism, and in fact it was a normanism which had been sanctified by Marxism, and secondly, the Danish linguist A. Stender-Petersen and the domestic archaeologists-«antinormanists», who based on his conclusions on the Norman colonization of Rus, conducted the strengthening of the pro-Norman sentiments of Soviet scientists.

KEY WORDS: normanism, «ultranormanism», antinormanism, «Soviet antinormanism», marxism, archeology, K. Marx, B.D. Grekov, B.A. Rybakov, I.P. Shaskolsky, A. Stender-Petersen, L.S. Klein.

Полноценному развитию науки препятствуют историографические мифы (давние и возникающие прямо у нас на глазах). Одним из таких мифов является мнение о «советском антинорманизме» как действительно антинорманистском направлении, в результате чего создается ложное представление об антинорманизме истинном и сути варяго-русского вопроса. Так, в 1988 г. Т.Н. Джаксон и Е.Г. Плимак на примере работ академика Б.А. Рыбакова, который, по их словам, «воюя с норманизмом», признавал ничтожной историческую роль норманнов на Руси и вообще отрицал роль внешнего импульса, утверждали, что «советский антинорманизм», возникший во второй половине 1930-х гг. под влиянием политической ситуации и конъюнктуры, был «доведен до абсурда» (в числе «советских антинорманистов» авторы назвали еще Д.А. Авдусина и А.Г. Кузьмина, однако последний не имел к такого рода «антинорманизму» абсолютно никакого отношения) [17, с. 47–48, прим. 61]. В 1991 г. А.П. Новосельцев объяснял, что с 1940-х гг. «в нашей исторической науке взяли верх именно “патриоты”», в связи с чем «на позиции антинорманизма волей-неволей встали почти все советские историки». Но вот теперь, когда «кличка “норманист” перестала быть синонимом чего-то антипатриотического», все большее число ученых склоняется к выводам, которые отстаивал прекрасный знаток русских древностей, датчанин А. Стендер-Петерсен. Через два года историк подверг предельно резкой критике творчество «патриота» Б.А. Рыбакова, включая его «советский антинорманизм» [44, с. 7; 43, с. 23–31].

В 1992 г. А.А. Молчанов вел речь о «мощном гнеде официального антинорманизма в советское время», через год И.П. Шаскольский отмечал, что известный археолог Д.А. Авдусин выступал с крайне антинорманистских позиций, ибо отрицал норманскую принадлежность скандинавских находок в Гнёздове. В 1994–1997 гг. А.А. Хлевов рассуждал о «государственном антинорманизме» 1951–1965 гг. как «государственной идеологии» и увенчал Авдусина «лаврами патриарха отечественного послевоенного антинорманизма». После чего провозгласил победу «взвешенного и объективного норманизма», считая, что она есть результат борьбы «ленинградской школы скандинавистов за объективизацию подхода к проблеме и “реабилитацию” скандинавов в ранней русской истории» и прежде всего лидеров «пронорманской партии» Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко [40, с. 45; 77, с. 98; 70, с. 3–5, 19–20; 69, с. 35–36, 63–69, 91].

Е.В. Пчелов говорил в 1994–2001 гг., что в советскую пору господствовал «воинствующий», «примитивный», «ультрапатриотический» антинорманизм. Как заключал в 1999 г. А.С. Кан, существовал «политический, патриотический антинорманизм», приглушавший при Сталине скандинавский фактор «как не отвечающий задачам патриотического воспитания», и что на смену ему пришел «научный, т.е. умеренный, норманизм». В 2001 г. И.В. Кураев полагал, что вначале Д.А. Авдусин выступал «с позиций непримиримого антинорманизма», полностью отрицая присутствие скандинавов среди погребенных в Гнёздовском курганном некрополе, а затем, признав наличие некоторого числа норманских захоронений, проявлял антинорманизм «в более мягкой форме». В издан-

© Фомин В.В., 2017

Информация для связи с автором: vfominv@mail.ru

ной в 2009 г. книге «Спор о варягах», написанной в 1960 г., Л.С. Клейн уверял, что некоторые советские ученые являлись крайними антинорманистами, и в первую очередь Авдусин, считавший скандинавскими лишь часть гнёздовских погребений [51, с. 27; 54, с. 367; 53, с. 19; 20, с. 50; 36, с. 29–31; 28, с. 107].

Но при этом никто из них и не объяснял, конечно, какой «антинорманизм» и какой «патриотизм» заключается хотя бы во мнении В.В. Мавродина, высказанном в 1949 г., что «Сказание о призвании варягов» повествует о приглашении одной скандинавской дружины для борьбы с другими скандинавами. Или в выводе О.Д. Соколова 1970 г., увидевшего «обстоятельную критику» М.Н. Покровским норманизма в том, что он говорил о зачатках государственности у славян до прихода норманнов. Или в словах М.А. Алпатов 1982 г., что «по своему поведению Рюрик, Олег, Игорь, Святослав – типичные викинги» [38, с. 25; 61, с. 145–146; 5, с. 39]. Или в утверждениях археологов В.А. Булкина, И.В. Дубова, Г.С. Лебедева, А.Н. Кирпичникова 1978–1981 гг., что «в ладожских материалах нашла свое решение варяжская проблема»: в Ладоге в середине IX в. на какое-то время утвердился призванный норманнский конунг со своим двором и дружиной, «обеспечивая безопасность города и охраняя его судоходство, в том числе и от своих же норманских соплеменников» [9, с. 90; 23, с. 98, 104; 25, с. 7].

Или же в твердом убеждении Б.А. Рыбакова (по оценке Л.С. Клейна 2004 г., «русского националиста» и «ультра-патриота» [26, с. 70]), растиражированном в его работах 1962 г. и 1966 г., о существовании в истории Руси «норманского периода», который охватывал 882–912 гг. и который олицетворял собой «варяжский конунг» Олег Вещий. Наличие «антинорманизма» и «патриотизма» вряд ли также можно заподозрить в его рассуждениях, что буржуазные историки «излишне преувеличивали» рамки этого периода, растягивая их на несколько столетий (в 1846–1859 гг. М.П. Погодин «норманским периодом», вошедшим в название двух его монографий, считал 862–1054 гг.), что одним из путей проникновения христиан в Киев был, как он полностью соглашался в 1987 г. с активным норманистом прошлого Е.Е. Голубинским, «приход на службу к киевскому князю варягов из состава константинопольской норманской общины крещеных скандинавов» [47; 48; 55, с. 36, 38; 54, с. 7, 142; 57, с. 383].

На деле это был норманизм, только в его советской редакции. Потому глубоко заблуждался в 1998 г. И.Н. Данилевский, полагая, что «глава советской “антинорманистики”» Рыбаков, борясь с норманизмом, «сам оказывался вынужденным сторонником норманской теории» [15, с. 62, 64–65]. «Антинорманизм» выдающегося ученого кажущийся, ибо он был таким же норманистом, как и его критики, и отличался от них только тем, что хотел максимально приглушить разговор о варягах, в которых видел скандинавов. В этом и заключается суть «советского антинорманизма», ставшего знаменем нашей науки со второй половины 1930-х гг., когда она приняла одно из главных положений марксизма, по которому определяющая роль в процессе складывания Руси отводилась внутреннему фактору – социально-экономическому развитию восточнославянского общества.

В силу этого воцарилось представление, что советские ученые, разработав подлинно научную марксистскую концепцию генезиса Русского государства, «разоблачили идеализм» норманизма, установили его несоответствие «современным научным представлениям о сущности государства и о процессе его формирования» [79, с. 236; 74, с. 225, 236; 78, с. 339; 75, с. 3, 5, 13–14, 17]. Подобная позиция проистекала из полнейшего отрицания участия в процессе классового образования восточных славян воздействия «внешних сил», убеждали в 1939–1982 гг. Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, И.П. Шаскольский, из мысли, что «поиски внешних импульсов безрезультатны» [54, с. 7, 142; 74, с. 225–226; 78, с. 335, 339, 341; 75, с. 14–18, 58; 10, с. 9; 56, с. 26]. Из данной посылки последовал непреложный вывод, что разговор об этносе варягов утратил, как, например, утверждали в 1961–1986 гг. историограф С.Л. Пештич, лингвист А.И. Попов, археолог Д.А. Авдусин, свой прежний смысл и стал «беспредметным», в связи с чем полемика норманистов и антинорманистов «потеряла всякий интерес и значительность» [46, с. 73; 50, с. 61; 2, с. 120–121]. Ибо в рамках марксистской концепции возникновения классового общества и государства, излагал в 1960–1983 гг. кредо советской науки И.П. Шаскольский, «не находилось места для варягов – создателей русской государственности»: были ли они «скандинавами или другим иноземным народом, все равно не ими было создано государство в восточнославянских землях». В связи с чем «незначем стало доказывать, что варяги не были скандинавами». И хотя марксистская наука, отрицая норманскую теорию, признает, что в IX–XI вв. в русских пределах «неоднократно появлялись наемные отряды норманских воинов, служивших русским князьям, а также норманские купцы, ездившие с торговыми целями по водным путям Восточной Европы», однако, заключал он, «признание этих фактов (здесь и далее разрядка автора. – В.Ф.) совсем не тождественно согласию с выводами норманизма» [74, с. 224–225, 228–229; 75, с. 3–5, 11, 14–18, 88–89, прим. 27 и 33 на с. 18 и 20; 73, с. 44; 72, с. 158; 71, с. 47–50]. И такую позицию советские ученые представляли в качестве «советского антинорманизма», искренне полагая, что историк-марксист «всегда антинорманист» [1, с. 255]. Потому как были убеждены, что, показав происхождение Руси как этап внутреннего развития восточнославянского общества задолго до появления варягов-норманнов, тем самым «решительно порвали с наследием норманизма», «окончательно разгромили» и «добили норманскую теорию», видели в ней «труп» и «руины», не единожды громко заявляя, что ее «окончательно» похоронила советская наука [38, с. 11; 54, с. 85; 18, с. 83].

Хоронили они норманизм еще и потому, что сводили роль варягов в истории Руси, вопреки показаниям «Повести временных лет», к предельному минимуму. Как пытоживал в 1936 г. основоположник, по оценке западноевропейской историографии [42, с. 8], «советского антинорманизма» академик Б.Д. Греков, «варяги – лишь эпизод в истории общества, создавшего Киевское государство». С годами эта мысль стала звучать жестче, ибо ей «советские антинорманисты» придавали весьма важное значение в своей «бескомпромиссной» борьбе с норманизмом. В 1947 г. К.В. Базилевич говорил, что во всех главных явлениях исторической жизни Руси роль норманнов «была совершенно ни-

чтожной». Б.А. Рыбаков, в 1960–1966 гг. подчеркивая, что их историческая роль была не просто «ничтожной», а даже «несравненно меньше, чем роль печенегов и половцев», заключил: «Ни уско- рить, ни существенно задержать исторический про- цесс на Руси они не могли» [55, с. 38–39; 56, с. 26; 12, с. 18; 8, с. 55]. А чтобы не было и тени сомне- ний в «ничтожной» роли варягов в судьбе восточ- ной славянской державы, идею, что на Руси присут- ствовала либо «горсточка», либо «незначительная кучка» норманнов, являвших собой «каплю в сла- вянском море» [16, с. 18; 14, с. 86], в цифровом выражении Рыбакова получившую даже свою кон- кретность: количество скандинавских воинов, «живших постоянно на Руси, было очень невелико и исчислялось десятками или сотнями» [55, с. 37] (и одновременно с этим им повторялся тезис доре- волюционных норманистов об их быстрой ассими- ляции). Время сгладит острые углы подобных рас- суждений и утвердит окончательный приговор со- ветской науке, звучащий, например, в 1960– 1985 гг. в устах И.П. Шаскольского, Б.А. Рыбако- ва, В.Т. Пашуто, что норманский элемент играл «лишь очень скромную», «второстепенную роль» в истории государственного развития восточных сла- вян [54, с. 296; 74, с. 228–229; 45, с. 16].

Под «настоящими» же норманистами «советские антинорманисты» понимали лишь только тех, кто стремится «любими средствами опровергнуть или опорочить советскую концепцию о возникновении Русского государства без участия норманов», кто утверждает «неспособность славян самим создать свое государство» [44, с. 7; 78, с. 341; 75, с. 5]. В такой обстановке предшествующий антинорманизм, антинорманизм истинный, был также объявлен «антинаучным» и «тенденциозным», противореча- щим «научной марксистской концепции генезиса Древнерусского государства». Ибо его сторонники, как и сторонники норманизма, если привести слова корифеев тогдашней исторической науки Б.Д. Гре- кова, В.В. Мавродина, Б.А. Рыбакова, И.П. Шас- кольского, «стояли на одинаково ошибочных мето- дологических позициях», признавая достоверность «Сказания о призвании варягов» и споря лишь по поводу их родины и этноса. К тому же, заостряли внимание историков-марксистов в 1972 и 1983 гг. М.А. Алпатов и И.П. Шаскольский, «борьба норма- нистов и антинорманистов в XIX в. была борьбой двух русских монархических концепций» [38, с. 17; 78, с. 335–373; 75, с. 10; 56, с. 18; 71, с. 43; 11, с. 134; 6, с. 12].

Параллельно с тем внушалось, что от нормани- зма и антинорманизма советская наука давно изба- вилась. В середине 1930-х гг., утверждал Шасколь- ский, когда ученые СССР «доказали несостоятель- ность норманской теории, разработав марксистское учение о происхождении древнерусского государст- ва, норманизм целиком переместился на Запад». Туда же «вместе с эпигонами русской буржуазной науки переместился» антинорманизм, где и «умер естественной смертью», потому как мог «существо- вать только как течение русской идеалистической дворянско-буржуазной историографии» [74, с. 226; 78, с. 335; 75, с. 13, 17–18, прим. 7 на с. 11; 71, с. 45–47]) (но часть эмиграции иначе начинала смотреть на аксиомы, привитые ей. Как отмечал в 1950 г. в письме В.А. Рязановскому выдающийся философ И.А. Ильин, «давно пора сбросить этот шлепдеровски-байеровский гипноз, который стран- но заморозил русских историков, кончая Ключев-

ским и Струве». В 1955 г. в Париже вышло дейст- вительно антинорманистское «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки», написанное женой мыслителя, Н.Н. Ильиной. А в 1968 г. писатель-историк М.Д. Каратеев диагности- ровал «норманскую болезнь» нашей науки [19, с. 23, прим.; 21, с. 184–191]).

В умах советских исследователей сложилось свое видение «антинорманизма», в рамках которого только мог теперь решаться варяго-русский вопрос. И вся суть которого была сведена к тому, что, как ее по пунктам изложил в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. И.П. Шаскольский, «главные события и явления в жизни нашей страны IX– XI вв. – формирование классового общества, обра- зование Древнерусского государства, начало разви- тия феодальных отношений, формирование русской народности и ее материальной и духовной культуры – были результатом глубоких и длительных процес- сов внутреннего развития восточнославянского общества без сколько-нибудь значительного воздейст- вия внешнего фактора – норманнов» [74, с. 228– 229, 235–236; 75, с. 4–5, 53–54, 84–86, прим. 33 на с. 20; 76, с. 204–205].

В это же видение входило своеобразное понима- ние борьбы с норманизмом, духом и содержанием которого была пропитана вся советская наука. От- чего борьба с ним, поставленным, как тогда говори- лось, на службу «политическим целям антисовет- ской пропаганды в области истории» с целью «ок- леветать славное прошлое великого русского наро- да», свелась к дежурным обвинением норманизма (времен царской России и современной буржуазной науки): она есть «реакционная», «антинаучная», «клеветническая», «политически спекулятивная» [6, с. 13; 81, с. 27; 7, с. 106; 58, с. 58], даже «гус- топсовая», как выразился в 1949 г. В.В. Мавродин [39, с. 30], «самая антиисторическая», враждебная нашему народу [54, с. 174; 7, с. 110]. Этот посыл усиливали еще тем, что русь считали исключитель- но славянским племенем, издавна проживавшим в Среднем Поднепровье (иногда она признавалась, как это, например, полагал С.В. Юшков вслед за В.О. Ключевским и Л.В. Падалко, некой социаль- ной группой, возникшей в среде славян во второй половине VIII в. и включавшей в себя профессио- нальных воинов, купцов, ремесленников, жителей городов, затем скандинавов, и которая взимала дань с менее развитых в культурном отношении славян [80, с. 52–57]), а «Сказание о призвании варягов» преподносили как легендарный рассказ, как тенденциозное сочинительство летописцев, не имевшее (или практически не имевшее) под собой никакой исторической основы [38, с. 24–26; 74, с. 235–236; 75, с. 53–54, 84–86].

Так, под видом «советского антинорманизма» в советской науке продолжила свое существование норманская теория, лишь приправленная маркси- сткой фразеологией. Причем, несмотря на шумные и массовые разглагольствования о его непримири- мой борьбе с норманизмом, на его некоторые дейст- вительно антинорманистские выводы (отсюда неод- нозначность его оценки), в советской науке находи- лись люди, которые называли вещи истинными именами. Например, 10 июня 1944 г. на совещании историков в ЦК ВКП(б) Е.Н. Городецкий констати- ровал, что норманизм дожил «благополучно до на- ших дней» и «формальное отрицание норманской теории сопровождается фактическим ее признани- ем». В 1965 г. Л.С. Клейн заметил, что норманизм

был «в рамках марксистской (здесь и далее подчеркнуто автором. – В.Ф.) науки, и притом с самого ее начала (К. Маркс) – и до современности... И в рамках марксистской советской науки – и тоже с самого ее начала (Покровский!)». А в 2009 г. он привел слова своего ученика Г. Лебедева, сказанные в том же 1965 г., что «первым норманистом в марксистской традиции был не М.Н. Покровский, а Карл Маркс» [28, с. 98, 109, 139; 63, с. 85].

Имеется в виду статья К. Маркса «Тайная дипломатия XVIII в.» (или «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»), не включенная в советское время ни в одно из собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. И в ней Маркс в рассуждениях о варягах руководствовался, констатирует Л.П. Грот, исключительно А.Л. Шлецером. В связи с чем он рассматривал начало Руси как «естественный результат примитивной организации норманского завоевания», утверждал, что «завоевательные походы первых Рюриковичей и их завоевательская организация ни в чем не отличались от норманнов в других частях Европы» и «что завоевание и образование государства в империи Рюриковичей носило исключительно готский характер». Как резюмирует Л.П. Грот, статья Маркса «была хорошо известна российским историкам марксистского направления уже в дореволюционный период» (так, ее положения воспроизвел М.Н. Покровский) [13, с. 336–337]. Но с приведенной цитатой были хорошо знакомы и советские исследователи [17, с. 35–57], сверяя таким образом, свой научно-марксистский «антинорманизм» с «ультранорманизмом» (а данная оценка принадлежит норманисту В.А. Мошину [41, с. 24, 26–27, 33–35, 40, 44, 70]) Шлецера в его передаче основоположником марксизма, чтимом в СССР наравне с В.И. Лениным.

Советские историки, уверовав в абсолютную истину «научной марксистской концепции генезиса Древнерусского государства» и в примат внутреннего фактора, весь свой научный потенциал направили на отыскание элементов социального неравенства в восточнославянском мире, которое должно вести к образованию классов и государства. Такой ошибочный методологический подход к изучению истории Руси, по замечанию И.Я. Фроянова, сделанному в 1992 г., надолго сковал историческую науку [68, с. 6]. Сам же вопрос о составе социальной верхушки русского общества перестал быть существенным, хотя признание ее иноплеменной, заострял в 1970–1986 гг. внимание «советских антинорманистов» истинный антинорманист тех лет А.Г. Кузьмин, «делает беспредметным рассуждение о возникновении государства как автохтонного процесса: представители крайнего норманизма как раз и настаивают на ведущем положении пришельцев-норманнов». При этом он подчеркивал, что ошибочно полагать, «будто, отдав политическую историю Руси IX–XI вв. норманистам, можно остаться на позициях антинорманизма, опираясь на общий тезис о государстве как продукте внутреннего развития общества», и указывал на факт упрощенной трактовки мысли Ф. Энгельса, что «государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу», когда ее воспринимали в том смысле, «будто государства вообще не могут возникать в результате завоеваний», что в действительности являло собой попытку «“закрывать” спор норманистов и антинорманистов». Обратившись к выводам ленинградских археологов Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева, В.А. Назаренко (1970 г.), утвер-

ждавших преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси, Кузьмин резюмировал: в их построениях что-то не так – «либо факты, либо осмысление». А чтобы не впадать в подобные ошибки, «нужно отказаться от традиционного германоцентризма и той наивной “скандинавомании”, которую Ю. Венелин остроумно развенчал еще полтора столетия назад», и «необходимо более тщательное выяснение природы тех этнических элементов, которые многие археологи и отчасти лингвисты признают северогерманскими» [31, с. 28, 48; 32, с. 186–188; 34, с. 55; 33, с. 57–59; 35, с. 18].

Огромную роль в закреплении и развитии норманизма в советской науке сыграли труды А. Стендер-Петерсена и советских археологов-«антинорманистов», основанных на его идеях, высказанных в 1930–1950-х гг. Этот датский лингвист активно проводил теорию норманской колонизации Руси собственной редакцией (ее выдвинул в 1914 г. шведский археолог Т.Ю. Арне), согласно которой свеи-землепашцы из центральной Швеции «с незапамятных времен» мирно и постепенно двигались на восток. В результате чего в треугольнике Белоозеро, Ладога, Изборск осело шведское племя «русь». В первой половине IX в. «возникло вокруг Ладоги, а затем при Ильмене под руководством свеев *первое русское государство* (курсив автора. – В.Ф.), в создании которого приняли участие и славяне, и финны» и которое взяло в свои руки балто-каспийскую торговлю. Позже русско-свейские дружины «под предводительством местных конунгов» двинулись на завоевание Днепровского пути, захватили Киев и освободили местных славян от хазарской зависимости.

Тем самым они завершили создание «норманно-русского государства» – Руси, в котором весь высший слой – князья, дружинники, управленческий аппарат, купцы – состоял исключительно из скандинавов (имена варягов – «сплошь скандинавские», а Тор и Перун, представлявшие собой, как известно, совершенно разные по социальному значению религии, абсолютно равнозначны). В короткое время скандинавы растворились в славянах, что привело к образованию национального единства и созданию в XI в. «особого смешанного варяго-русского языка». (Стендер-Петерсен буквально наводнил Русь скандинавами. К «беспрерывно» веками идущим на ее территорию земледельцам постоянно добавлялись новые массы их сородичей: купцы, «наплыв» которых в IX–XI вв. в Новгород «был, по видимому, огромный», Владимир привел из Швеции для борьбы с братом Ярополком «громадное войско», «grosse kņipig», Ярослав Мудрый несколько раз «выписывал» норманские дружины, используя их «в междоусобных и других войнах») [87, с. 48–49, 52–53, 56, 62; 83, р. 42–76, 78–83, 89–113, 115–138, 140, 242–252, 255–257; 84, р. 8–22; 88, с. 43–55; 85, р. 167, 174–188; 86, с. 1, 3–4, 10–17; 62, с. 147–148, 151–152].

Теорию А. Стендер-Петерсена норманской колонизации Руси закрепили в советской науке археологи Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко, переведя ее в 1970 г. в мир цифр, не вызвавших сомнений у «советских антинорманистов»: в X в. скандинавы – дружинники, купцы и их жены, простые воины, ремесленники и, возможно, крестьяне – составляли «не менее 13% населения отдельных местностей» Руси (по Волжскому и Днепровскому торговым путям), по Киеву эта цифра возросла до 18–20%, а в Ярославском Поволжье их численность «была равна, если не превышала, численности славян». В 2009 г. Клейн резюмировал, что в их статье «впервые после Покровского

была изложена и аргументирована «норманистская» трактовка вопроса в советской научной литературе» [28, с. 127, 262; 27, с. 234, 238–239, 246–249]. Чтобы представить масштабы такой «трактовки», надлежит указать, что население Руси около 1000 г. составляло, по оценке специалистов, как минимум 4,5 миллиона [37, с. 99, 153].

Разговор о норманской колонизации Руси и массовом пребывании на ее территории скандинавов – чистейший воды вымысел. Как отметил в 1962 г. крупнейший английский археолог П. Сойер, не сомневающийся, стоит сказать, в норманстве варягов, во-первых, «не может быть, чтобы шведы когда-либо играли на Руси важную роль в качестве поселенцев», во-вторых, «нет никаких археологических свидетельств, способных оправдать предположение о наличии там обширных по территории колоний с плотным населением» [60, с. 290]. Действительно, камерные погребения середины и второй половины X в. Ладоги, Пскова, Гнёздова, Тимерева, Шестовиц под Черниговом, Киева, выдаваемые Т.Ю. Арне за захоронения норманнов, на основе подсчета которых выводили свои проценты Клейн, Лебедев, Назаренко, не являются, как и подавляющая масса других наших древностей, скандинавскими. Камерные гробницы, констатировал в 2002 г. археолог А.Н. Кирпичников, долгое время «считали шведскими, теперь же пришли к заключению, что даже в Бирке они не являются местными» [22, с. 44].

На эфемерность процентов Клейна, Лебедева, Назаренко сразу же указала антропология (но что нисколько не изменило отношения к ним «советских антинорманистов». Так, в 1988 г. Т.Н. Джексон и Е.Г. Плимак убеждали, что авторы «выработали строго научную и логически последовательную методику определения этнической принадлежности археологических древностей и объективную систему подсчета “достоверно варяжских комплексов”» [17, с. 46]). В 1973–1974 гг. Т.И. Алексеева, проанализировав захоронения Киева (традиционно связываемые с представителями высшей военноплеменной знати) и сопоставив их с германскими, констатировала, что «это сопоставление дало поразительные результаты – ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева». Как заметил А.Г. Кузьмин по поводу такого заключения специалиста, убежденного под влиянием археологов в скандинавском характере погребений, но не ослепленного норманизмом, «“поразительность” этих результатов, отмечаемая автором, проистекает из ожидания найти в социальных верхах киевского общества значительный германский элемент, а его не оказывается вовсе» [4, с. 267; 3, с. 67; 59, с. 428, прим. 255]. Под давлением именно этих «антинорманистских» фактов соавтор статьи 1970 г. Лебедев признал в 1978 г. (и повторил свои слова в 1986 г.), тем самым отрекаясь от фальшивых 18–20% киевских норманнов, что только в одном из 146 погребений Киевского некрополя мог быть захоронен скандинав: «Судя по многочисленным аналогиям в Бирке, это единственное в городском могильнике Киева скандинавское погребение», датированное к тому же концом X – началом XI в. [9, с. 12; 24, с. 232] (в процентом соотношении 1 к 146 составляет 0,68%, т.е. почти в 30 раз меньше того, что привиделось

Клейну, Лебедеву и Назаренко восемью годами ранее. К тому же камерные погребения в Бирке, о чем речь шла, не имеют местных прототипов).

И фиктивных данных якобы в пользу скандинавского происхождения варягов советские археологи-«антинорманисты» в 1960–1980-х гг. ввели столь много, что ни у кого, за исключением единицы, не было сомнения в правильности норманской теории. При этом они, во-первых, слепо следовали за скандинавскими коллегами, которые все, что найдено в их странах, безоговорочно объявляли норманским (хотя это то же самое, если бы древности Восточной Европы считали исключительно славянскими), во-вторых, вырывали эти находки из археологического комплекса, который принято рассматривать и характеризовать в целостном виде, а не по отдельным его элементам. Другая их ошибка – это тенденциозная установка соотносить древности либо только с германцами, либо только со славянами, словно кроме них никто больше и не жил в Европе. Например, в 1969–1970 гг. С.И. Кочкуркина отнесла многие курганы юго-восточного Приладожья к скандинавским. Но в 1971 г. Н.В. Тухтина, указав на ошибки коллеги, связала их с вепсами [29, с. 20–27; 30, с. 145–161; 64, с. 162–181].

Невероятно усиленная под пером «советских антинорманистов» норманская теория сейчас выдается за «объективный» и «научный» норманизм, который оперирует, с одной стороны, ложными археологическими данными, с другой – аргументами, от которых отказались видные норманисты прошлого, например М.П. Погодин, А.А. Куник. В связи с чем трактовка варяго-русского вопроса застыла на уровне первой половины XIX в., на уровне выводов А.Л. Шлецера (А.А. Хлевов подчеркивал в 1994 г., что этот вопрос ныне «решен в той форме, в какой он был поставлен историографией XIX в.» [70, с. 20]), весьма скоро отвергнутых, под давлением критики оппонентов, его самыми горячими сторонниками (как констатировал в 1847 г. М.П. Погодин, «результаты Шлецерова теперь уже ничего не значат» и «за шведов с руотси и Рослагеном, за его понятия о вставках, за понтийских руссов и пр. и пр. – прости его Господи!» [49, с. 169–170]). Или стоит привести заключение, сделанное в 2002 г. немецким лингвистом и норманистом Г. Шраммом, отметавшим давнюю идею происхождения имени «Русь» от финского названия Швеции – Ruotsi, т.к. не доказана возможность перехода *ts* в *c*: «Сегодня я еще более решительно, чем в 1982 г., заявляю, уберите вопрос о происхождении слова *Ruotsi* из игры!» [82, s. 101, 107].

А такая ситуация, уходящая своими корнями в том числе и в советское прошлое, не соответствует современному уровню развития науки, демонстрирующему на историческом, археологическом, антропологическом, лингвистическом, нумизматическом материале полнейшую непричастность скандинавов к летописным варягам и руси (по сагам, вобравшим в себя историческую память скандинавов, они начинают появляться на Руси лишь на рубеже X–XI вв., на это же время указывают и археологические данные) [66, с. 336–461; 67; 65, с. 7–112].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авдусин, Д.А. Grdslund Anne-Sofie. Birka-IV. The Burial Customs. A study of the graves on Björkby. Stockholm, 1980 [Текст] / Д.А. Авдусин // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. – М., 1984. – С. 249–255.

2. Авдусин, Д.А. Современный антинорманизм [Текст] / Д.А. Авдусин // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. – М., 1986. – Ч. 1. – С. 120–122.
3. Алексеева, Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных [Текст] / Т.И. Алексеева // Вопросы истории. – 1974. – № 3. – С. 58–67.
4. Алексеева, Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии [Текст] / Т.И. Алексеева. – М., 1973. – 330 с.
5. Алпатов, М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии [Текст] / М.А. Алпатов // Вопросы истории. – 1982. – № 5. – С. 31–45.
6. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. [Текст] / М.А. Алпатов. – М., 1973. – 476 с.
7. Астахов, В.И. Курс лекций по русской историографии [Текст] / В.И. Астахов. – Харьков, 1965. – 584 с.
8. Базилевич, К.В. Из истории образования древнерусского государства [Текст] / К.В. Базилевич // Большевик. – 1947. – № 5. – С. 51–56.
9. Булкин, В.А. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков [Текст] / В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев. – Л., 1978. – 150 с.
10. Греков, Б.Д. Киевская Русь [Текст] / Б.Д. Греков. – М., Л., 1939. – 282 с.
11. Греков, Б.Д. Образование русского государства [Текст] / Б.Д. Греков // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. – М., 1945. – Т. II. – № 3. – С. 129–139.
12. Греков, Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве [Текст] / Б.Д. Греков. – М., Л., 1936. – 190 с.
13. Грот, Л.П. Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборейцах и рудбекианизм [Текст] / Л.П. Грот // Изгнание норманнов из русской истории / составит. и ред. В.В. Фомин. – М., 2010. – С. 321–338.
14. Гуревич, А.Я. Походы викингов [Текст] / А.Я. Гуревич. – М., 1966. – 183 с.
15. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций [Текст] / И.Н. Данилевский. – М., 1998. – 398 с.
16. Державин, Н.С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк [Текст] / Н.С. Державин. – М., 1945. – 215 с.
17. Джаксон, Т.Н. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма. (В связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К.Маркса) [Текст] / Т.Н. Джаксон, Е.Г. Плимак // История СССР. – 1988. – № 6. – С. 35–57.
18. Древнерусское государство и его международное значение [Текст] / А.П. Новосельцев [и др.]. – М., 1965. – 476 с.
19. Ильина, Н.Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки [Текст] / Н.Н. Ильина // Изгнание норманнов из русской истории : сб. статей и монографий / составит. и ред. В.В. Фомин. – М., 2010. – С. 19–136.
20. Кан, А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем [Текст] / А.С. Кан. – М., 1999. – 357 с.
21. Каратеев, М.Д. Норманская болезнь в русской истории [Текст] / М.Д. Каратеев // Сборник Русского исторического общества. Антинорманизм. – М., 2003. – Т. 8 (156). – С. 184–191.
22. Кирпичников, А.Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья [Текст] / А.Н. Кирпичников // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. – СПб., 2002. – С. 34–58.
23. Кирпичников, А.Н. Ладога и Ладужская волость в период раннего средневековья [Текст] / А.Н. Кирпичников // Славяне и Русь. (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). – Киев, 1979. – С. 92–106.
24. Кирпичников, А.Н. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) [Текст] / А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев // Славяне и скандинавы. – М., 1986. – С. 189–297.
25. Кирпичников, А.Н. Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) [Текст] / А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, И.В. Дубов // Краткие сообщения Института археологии Академии наук. – М., 1981. – Вып. 164. – С. 3–10.
26. Клейн, Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества [Текст] / Л.С. Клейн. – Санкт-Петербург, 2004. – 480 с.
27. Клейн, Л.С. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения [Текст] / Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. – Л., 1970. – С. 226–252.
28. Клейн, Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон [Текст] / Л.С. Клейн. – СПб., 2009. – 400 с.
29. Кочуркина, С.И. Курганные группы юго-восточного Приладожья [Текст] / С.И. Кочуркина // Краткие сообщения Института археологии Академии наук. – М., 1969. – Вып. 120. – С. 20–27.
30. Кочуркина, С.И. Связи юго-восточного Приладожья с западными странами в X–XI вв. (По материалам курганов юго-восточного Приладожья) [Текст] / С.И. Кочуркина // Скандинавский сборник. – Таллин, 1970. – Вып. XV. – С. 145–161.
31. Кузьмин, А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море [Текст] / А.Г. Кузьмин // Вопросы истории. – 1970. – № 10. – С. 28–55.
32. Кузьмин, А.Г. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси [Текст] / А.Г. Кузьмин // Вопросы истории. – 1971. – № 2. – 186–189.
33. Кузьмин, А.Г. Заметки историка об одной лингвистической монографии [Текст] / А.Г. Кузьмин // Вопросы языкознания. – 1980. – № 4. – С. 51–59.

34. Кузьмин, А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) [Текст] / А.Г. Кузьмин // Вопросы истории. – 1974. – № 11. – С. 54–83.
35. Кузьмин, А.Г. Откуда есть пошла Русская земля. Предисловие [Текст] / А.Г. Кузьмин. – М., 1986. – Кн. 2. – С. 5–34.
36. Кураев, И.В. Историография варяжского вопроса (по исследованиям погребений Гнёздова) [Текст] / И.В. Кураев // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. – М., 2001. – Вып. 124 – С. 29–33.
37. Ловмянский, Х. Русь и норманны [Текст] / Х. Ловмянский. – М., 1985. – 304 с.
38. Мавродин, В.В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке : стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде [Текст] / В.В. Мавродин. – Л., 1949. – 32 с.
39. Мавродин, В.В. Очерки по истории феодальной Руси [Текст] / В.В. Мавродин. – Л., 1949. – 204 с.
40. Молчанов, А.А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (о роли отдельных компонентов в полиэтничной основе формирования Древнерусского государства) [Текст] / А.А. Молчанов // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992. Тезисы докладов. – М., 1992. – С. 44–47.
41. Мошин, В.А. Варяго-русский вопрос [Текст] / В.А. Мошин // Варяго-русский вопрос в историографии / составит. и ред. В.В. Фомин. – М., 2010. – С. 11–102.
42. Нильсен, Й.П. Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии [Текст] / Й.П. Нильсен. – Архангельск, 1992. – 69 с.
43. Новосельцев, А.П. Мир истории или миф истории? [Текст] / А.П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 23–31.
44. Новосельцев, А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель [Текст] / А.П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1991. – № 2/3. – С. 3–20.
45. Пашуто, В.Т. Труды польского академика Х. Ловмянского по истории народов Восточной Европы [Текст] / В.Т. Пашуто // Русь и норманны / Х. Ловмянский. – М., 1985. – С. 5–23.
46. Пештич, С.Л. Русская историография о М.В. Ломоносове как историке [Текст] / С.Л. Пештич // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. – Л., 1961. – Вып. 4. – № 20. – С. 60–76.
47. Погодин, М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Норманский период [Текст] / М.П. Погодин. – М., 1846. – Т. 3. – 548 с.
48. Погодин, М.П. Норманский период русской истории [Текст] / М.П. Погодин. – М., 1859. – 392 с.
49. Погодин, М.П. О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачева, Лопова, Кавелина и Соловьева по части русской истории [Текст] / М.П. Погодин // Москвитянин. – М., 1847. – Ч. 1. – С. 155–172.
50. Попов, А. И. Названия народов СССР. Введение в этноимику [Текст] / А.И. Попов. – М., 1973. – 170 с.
51. Пчелов, Е.В. Легендарная и начальная генеалогия Рюриковичей [Текст] / Е.В. Пчелов // Летопись Историко-родословного общества в Москве. – М., 1994. – Вып. 2 (46). – С. 27–39.
52. Пчелов, Е.В. Предки Рорика Ютландского [Текст] / Е.В. Пчелов // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 1999. – 367–370.
53. Пчелов, Е.В. Рюриковичи: история династии [Текст] / Е.В. Пчелов. – М., 2001. – 480 с.
54. Рыбаков, Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков [Текст] / Б.А. Рыбаков. – 2-е изд. – М., 1993. – 592 с.
55. Рыбаков, Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века [Текст] / Б.А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1962. – № 4. – С. 34–57.
56. Рыбаков, Б.А. Спорные вопросы образования Киевской Руси [Текст] / Б.А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1960. – № 10. – С. 18–26.
57. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси [Текст] / Б.А. Рыбаков. – М., 1987. – 784 с.
58. Сахаров, А.М. Историография истории СССР. Досоветский период [Текст] / А.М. Сахаров. – М., 1978. – 256 с.
59. Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении [Текст] / сост. А.Г. Кузьмин. – М., 1998. – 488 с.
60. Сойер, П. Эпоха викингов [Текст] / П. Сойер. – СПб., 2002. – 352 с.
61. Соколов, О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука [Текст] / О.Д. Соколов. – М., 1970. – 276 с.
62. Стендер-Петерсен, А. Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова [Текст] / А. Стендер-Петерсен // Kuml. 1960. – Aarhus, 1960. – S. 144–152.
63. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году [Текст] // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 65–93.
64. Тухтина, Н.В. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья [Текст] / Н.В. Тухтина // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971. – С. 162–181.
65. Фомин В.В. Варяги и Русь [Текст] / В.В. Фомин // Варяги и Русь : сб. статей и монографий / составит. и ред. В.В. Фомин. – М., 2015. – С. 7–112.
66. Фомин, В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу [Текст] / В. В. Фомин. – М., 2005. – 488 с.
67. Фомин, В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз [Текст] / В.В. Фомин. – М., 2013. – 320 с.
68. Фроянов, И.Я. Мятежный Новгород : очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия [Текст] / И.Я. Фроянов. – СПб., 1992. – 280 с.

69. Хлевов, А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке [Текст] / А.А. Хлевов. – СПб., 1997. – 101 с.
70. Хлевов, А.А. Норманская проблема в свете археологических источников : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 [Текст] / А.А. Хлевов. – СПб., 1994. – 21 с.
71. Шаскольский, И.П. Антинорманизм и его судьбы / И.П. Шаскольский [Текст] // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. – Л., 1983. – Вып. 7 – С. 35–51.
72. Шаскольский, И.П. Норманская проблема в советской историографии [Текст] / И.П. Шаскольский // Советская историография Киевской Руси. – Л., 1978. – С. 152–165.
73. Шаскольский, И.П. Норманская проблема на современном этапе [Текст] / И.П. Шаскольский // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. – М., 1971. – Ч. 1. – С. 43–45.
74. Шаскольский, И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии [Текст] / И.П. Шаскольский // История СССР. – 1960. – № 1. – С. 223–236.
75. Шаскольский, И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке [Текст] / И.П. Шаскольский. – М., Л., 1965. – 220 с.
76. Шаскольский, И.П. О роли норманнов в Древней Руси в IX–X вв. [Текст] / И.П. Шаскольский // Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). – Uppsala, 1981.
77. Шаскольский, И.П. Славяне и норманны на древнерусской равнине и на берегах юго-восточной Прибалтики [Текст] / И.П. Шаскольский // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. – М., 1993. – Ч. 1. – С. 98–101.
78. Шаскольский, И.П. Современные норманисты о русской летописи / И.П. Шаскольский [Текст] // Критика новейшей буржуазной историографии. – М., Л., 1961. – Вып. 3. – С. 335–373.
79. Шушарин, В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси [Текст] / В.П. Шушарин. – М., 1964. – 304 с.
80. Юшков, С.В. К вопросу о происхождении русского государства [Текст] / С.В. Юшков // Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР. – М., 1940. – Вып. 2. – С. 37–59.
81. Яковлев, Н. О преподавании отечественной истории [Текст] / Н. Яковлев // Большевик. – 1947. – № 22. – С. 26–37.
82. Schramm, G. Altrusslands Anfang. Historische Schlysse aus Namen, Wцrtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert [Text] / G. Schramm. – Freiburg, 2002. – 570 s.
83. Stender-Petersen, A. Varangica [Text] / A. Stender-Petersen. – Aarhus, 1953. – 264 p.
84. Stender-Petersen, A. Anthology of Old Russian Literature [Text] / A. Stender-Petersen. – New York, 1954. – P. 8–22.
85. Stender-Petersen, A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen [Text] / A. Stender-Petersen // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma 4–11 Settembre 1955. Relazioni. – Vol. III. – Roma, 1955. – P. 165–188.
86. Stender-Petersen, A. Der älteste russische Staat [Text] / A. Stender-Petersen // Historische Zeitschrift. – Bd. 191. – H. 1. – München, 1960. – S. 1–17.
87. Stender-Petersen, A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik [Text] / A. Stender-Petersen. – Aarhus, 1934. – S. 3–209.
88. Stender-Petersen, A. Varägersporgsmålet [Text] / A. Stender-Petersen // Viking. – Bd. XXIII. – Oslo, 1959. – S. 43–55.